

Ильминский Николай Иванович

**О системе просвещения
иностранцев и о Казанской
центральной крещено-
татарской школе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович И.**
О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе / Ильминский Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 173 с.

ISBN 978-5-519-87011-5

ISBN 978-5-519-87011-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

б) ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 28 февраля 1878 г. объ оставленіи школы на правахъ частнаго учебнаго заведенія и о возложеніи на Директора Казанской учительской семинаріи обязанности присутствовать въ школѣ на испытаніяхъ учениковъ школы и руководить симъ испытаніями	85
в) Предисловіе Н. И. Ильминскаго 11 іюня 1887 г. къ изданію П. В. Щетинкина „Казанская Центральная Крещено-татарская школа“ (Казань, 1887), объ отношеніи школы къ системѣ инородческаго образованія и къ Казанской Учительской Семинаріи	87
г) Жертвователи и содержатели школы	88
д) Статьи Закона объ обязанностяхъ учредителя, содержателей и завѣдующаго частнымъ учебнымъ заведеніемъ	89

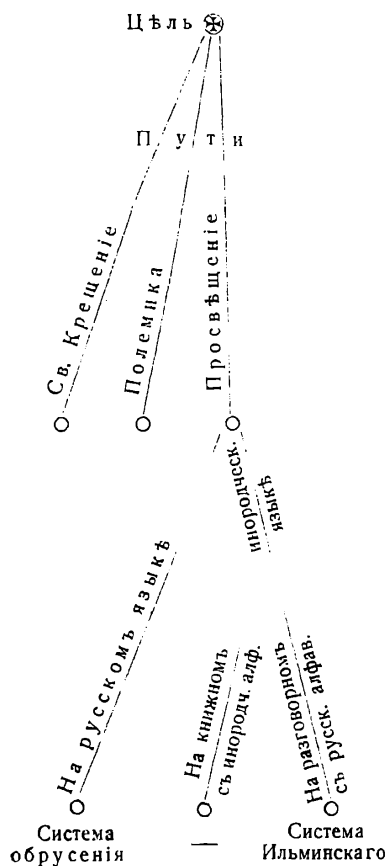
3. Статистическія свѣдѣнія о школѣ за 50 лѣтъ (1863—1813 г.):

а) О количествѣ священно-церковнослужителей изъ воспитанниковъ школы	92
б) О количествѣ учившихся въ школѣ и о количествѣ учителей и учительницъ изъ нихъ	93
в) О количествѣ учителей и учительницъ изъ школы, состоящихъ въ настоящее время на службѣ	94
г) О количествѣ изданій на крещено-татарскомъ языкѣ, переведенныхъ съ русскаго языка силами школы или при ея содѣйствіи съ 1863 г. по 1 іюля 1913 г.	95
д) Свѣдѣнія объ успѣхахъ школы въ 1912 и 1913 г.г.: экзаменаціонные списки учащихся въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ школы.	101
е) Выписка изъ книги почетныхъ посѣтителей школы нѣкоторыхъ отмѣтокъ высокопоставленныхъ посѣтителей о школѣ	121
ж) Два официальныхъ отзыва 1912 г. и 1913 г. о службѣ учителей и учительницъ изъ питомцевъ крещено-татарской школы	125
ЗАКЛЮЧЕНІЕ. КЪ ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧѢ ШКОЛЫ ВЪ ВѢДѢНІЕ СВ. СИНОДА И КЪ 50-ЛѢТІЮ ЕЯ И СИСТЕМЫ Н. ИЛЬМИНСКАГО	127

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Система Н. И. Ильминскаго въ ряду другихъ мѣропріятій къ просвѣщенію инородцевъ.

Система Ильминскаго относится къ просвѣщенію инородцевъ юго-востока Россіи, а также Средней Азіи и Сибири. Если схематически изобразить отношеніе этой системы къ другимъ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ Россіи въ отношеніи вышеназванныхъ юго-восточныхъ, сибирскихъ и азіатскихъ инородцевъ, то оно представится намъ въ слѣдующемъ видѣ:

ЦѢЛЬ—сближеніе и объединеніе инородцевъ съ русскими.

ПУТИ---къ цѣли:

1. Св. Крещеніе инородцевъ,
2. „Полемика“ съ инородцами,
3. Просвѣщеніе ихъ—

А) на инородческомъ языкѣ—книжномъ, съ употребленіемъ инородческаго алфавита,

Б) на живомъ разговорномъ народномъ инородческомъ языкѣ, съ примѣненіемъ въ письмѣ русскаго алфавита и

В) на русскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, всѣ мѣропріятія и системы имѣютъ одну, общую *цѣль*, указанную еще въ 1552 г. 2 октября изъ Царскаго стана при взятіи древней столицы нашихъ инородцевъ: „и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“ (Іоан. X, 16). Со стороны цѣли онѣ не разнятся между собою, но въ отношеніи избранныхъ ими путей движенія къ достиженію намѣченной цѣли имѣютъ очевидное различіе, и, соотвѣтственно тому, различную степень своей силы и примѣнимости.

Св. Крещеніе, — сила этого пути основывается на силѣ Св. Таинства, которое, однако же, преподаваемое недостаточно подготовленнымъ къ воспріятію его людямъ, можетъ вводить только въ сугубыя грѣхъ, какъ это фактически засвидѣтельствовано нашей исторіей съ „отпадшими“, и вести въ этомъ случаѣ не къ объединенію, а къ большому еще разъединенію инородцевъ съ русскими.

Полемика, — основывается на разрушеніи ложныхъ понятій для насажденія истинныхъ, но она требуетъ важной научной подготовки и не можетъ дать намъ много своихъ представителей, а между тѣмъ, попирая и разрушая, хотя и ложныя, но дорогія священныя инородцамъ понятія, естественно возбуждаетъ въ нихъ нерасположеніе къ русскимъ людямъ и, противоѣдствуя желаемому объединенію, нерѣдко ведетъ только къ усиленію привязанности къ тѣмъ же ложнымъ понятіямъ и къ отказу инородцевъ отъ принятія, хотя бы и истинныхъ, но чуждыхъ имъ православно-христіанскихъ понятій. Только послѣ насажденія и укрѣпленія въ душѣ инородцевъ иныхъ — болѣе высшихъ христіанскихъ — понятій, съ высоты коихъ они могли бы равнодушно взирать на свои старыя, полемика находитъ полезное примѣненіе въ дѣлѣ болѣе прочнаго сближенія инородцевъ съ русскими.

Сужденія мои о Св. Крещеніи и полемикѣ взяты, впрочемъ, только съ одной стороны, — и именно съ той, которая требуетъ предварительно христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, на которомъ преимущественно и сосредоточивается мысль Правительства и Церкви съ половины XVIII и XIX столѣтій.

Просвѣщеніе инородцевъ, незнающихъ не только содержанія нашего просвѣщенія, но не понимающихъ и русскаго языка, который является естественнымъ вмѣстилищемъ этого просвѣщенія, дѣйствительно есть вѣрное и единственно надежное средство къ наиболѣе прочному объединенію инородцевъ съ русскими, — но и оно, при своемъ примѣненіи, требуетъ отъ насъ также не малаго разума и умѣнья.

Въ основѣ нашего русскаго просвѣщенія лежатъ:

1) Идеи общечеловѣческія во главѣ и подъ знаменемъ идей православія и русской народности; сами по себѣ эти идеи не видимы, не слышимы, но составляютъ внутреннюю, идейную сторону и опору нашего просвѣщенія, 2) русскій языкъ,—или то, что дѣлаетъ эти идеи видимыми (буквы русскаго алфавита въ ихъ словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ сочетаніяхъ) и слышимыми (звуки русской рѣчи въ ихъ быстролетныхъ согласованіяхъ),—составляетъ внѣшнюю сторону просвѣщенія,—звуковую, буквенную, язычную, словесную,—получающую свой смыслъ и то или другое значеніе, великое или малое, только отъ внутренней (Мѣ. VII, 21, XV, 8, 9).

Въ связи съ такой природой просвѣщенія, на пути движенія къ нему нашихъ инородцевъ, предстали намъ двѣ или одна не легкая задача, съ двумя—едва не съ тремя—неизвѣстными. Незвѣстна инородцамъ идейная сторона русскаго просвѣщенія, неизвѣстна и словесная или язычная его сторона.

Естественно возникъ вопросъ: 1) съ чего же начать?—которое неизвѣстное—идейное или язычное—обратить сначала въ извѣстное инородцамъ, чтобы съ помощію его идти далѣе къ разрѣшенію слѣдующаго неизвѣстнаго, и 2) какимъ путемъ обратить одно или оба неизвѣстныхъ въ извѣстныя?—путемъ ли извѣстнаго инородцамъ ихъ инородческаго языка, или же—хотя это нынѣ и странно—путемъ неизвѣстнаго имъ русскаго языка, стремиться сдѣлать имъ извѣстнымъ то, что неизвѣстно. Первый путь инородческаго языка вполне логиченъ, но онъ носитъ на себѣ печать, какъ будто, того же инородчества, второй не педагогиченъ,—ибо нельзя же объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ, но онъ путь съ русскимъ языкомъ, который долженъ считаться носителемъ русскаго духа, русской національности,—хотя въ дѣйствительности-то, къ стыду нашему, и русскій языкъ, даже въ устахъ лучшихъ художниковъ русскаго слова, обращается иногда и въ отрицаніе и поруганіе всякаго русскаго духа и русской національности.

На поставленные вопросы одни вмѣстѣ съ Ильминскимъ отвѣчали, что нужно начинать съ идей, которыя возбуждать инородцевъ къ изученію и языка; другіе настаивали на русскомъ языкѣ, полагая, что вмѣстѣ съ языкомъ сдѣлаются извѣстными инородцамъ и русскія идеи. То же самое и относительно путей: одни полагали возможнымъ разъяснять неизвѣстныя инородцамъ идеи и языкъ только съ помощію инородческаго языка, а другіе—и здѣсь настаивали на русскомъ языкѣ. Въ результатѣ дѣятели по объединенію инородцевъ пришли ко взаимному разведенію между собою

и образовали два главных направленія въ просвѣщеніи инородцевъ: одно— съ употребленіемъ инородческаго языка, а другое— съ употребленіемъ русскаго.

Просвѣщеніе инородцевъ съ употребленіемъ инородческаго языка ставило на первый планъ передачу инородцамъ идей русскаго православно-христіанскаго просвѣщенія, которое воплотившись, такъ сказать, въ языкѣ инородцевъ и, войдя въ самую глубину инородческихъ сердецъ, сотворило бы дѣло христіанскаго возрожденія и духовнаго объединенія ихъ съ русскимъ народомъ.

А. Этотъ способъ преподаванія инородцамъ неизвѣстныхъ имъ истинъ съ *помощію извѣстнаго имъ ихъ инородческаго языка*, зародившись и окрѣпши въ разсадникахъ высшей богословской науки въ Россіи, первоначально отдавалъ *предпочтеніе книжному языку инородцевъ* (имѣлись въ виду преимущественно татары) и *ихъ же инородческому алфавиту*,—не отрицая, впрочемъ, употребленія и разговорнаго, а также и русскаго алфавита для языковъ, не имѣющихъ своей литературы. Вслѣдствіе этого отъ представителей такого направленія требовалось громадное напряженіе силъ и недюжинныя способности къ основательному изученію и усвоенію инородческихъ языковъ во всемъ ихъ объемѣ—устномъ, письменномъ и книжномъ, обширная начитанность въ инородческой литературѣ (по первоисточникамъ), а также и непосредственное личное знакомство съ инородцами. Понятно, что такого рода система, какъ и полемика, не могла на вербовать себѣ достаточное количество дѣятелей со стороны русской,—да и со стороны инородческой. Книжный инородческій языкъ для инородческихъ массъ оказался мало понятнымъ и даже вовсе непонятнымъ. Имъ владѣютъ тамъ только муллы и другіе немногіе представители, которые, прочно занимая свои мѣста въ народѣ, болѣе склонны не столько къ воспріятію новыхъ идей, сколько къ укрѣпленію своихъ старыхъ народныхъ. Поэтому и способъ этотъ съ употребленіемъ книжнаго инородческаго языка, получивши довольно значительное движеніе въ I-й половинѣ XIX столѣтія,—въ періодъ почти ежегодныхъ массовыхъ отпаденій инородцевъ христіанъ въ магометанство, не сопровождался какими либо особо замѣтными результатами въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Данный способъ важенъ былъ, однако, принципиальной стороною дѣла и тѣмъ, что привелъ одного изъ своихъ энергичнѣйшихъ представителей Н. И. Ильминскаго въ 1860-хъ годахъ къ созданію новаго направленія въ просвѣщеніи инородцевъ съ помощью того же инородческаго языка, но только взятаго не въ видимой его формѣ (не въ книжной), а въ слышимой,

какъ живое слово, разговорное и употребительное между инородцами. Представители направленія съ книжнымъ языкомъ входятъ и въ направленіе съ разговорнымъ языкомъ, какъ главные дѣятели, могущіе дѣйствовать въ томъ и другомъ направленіи.

Б. *Способъ просвѣщенія инородцевъ съ употребленіемъ ихъ же живого народнаго разговорнаго языка и съ приложеніемъ къ языку, для письма и печати, русскаго алфавита*, вмѣстѣ съ противоположнымъ ему (т. е. съ обрусительнымъ) направленіемъ занимаютъ самое видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія инородцевъ за истекшее полустолѣтіе, поэтому и мы остановимся нѣсколько подробнѣе на данныхъ способахъ.

Основатель способа просвѣщенія съ разговорнымъ языкомъ Ильминскій, изучивъ въ стѣнахъ Казанской Духовной Академіи и въ медресахъ Казани и Каира (въ Египтѣ) книжные инородческіе языки, а въ татарскихъ деревняхъ и киргизскихъ степяхъ важнѣйшіе народныя инородческіе языки, послѣ 15-лѣтнихъ (съ 1846 по 1861 г.г.) скитаній и исканій *) дѣйствительнаго пути къ просвѣщенію инородцевъ, пришелъ къ убѣжденію, что сдѣлать это только и можно, что съ помощью живого разговорнаго инородческаго языка. Съ искусствомъ мастера высшей школы Ильминскій быстро выдѣляетъ народный разговорный языкъ изъ союза съ книжнымъ, даетъ ему превосходную транскрипцію русскими буквами, для письма и печати, и все дѣло изученія инородческаго языка неимоვნѣрно облегчаетъ даже для второстепеннаго русскаго дѣятеля, освобождая его отъ необходимости непремѣнно изучать арабскій и татарскій книжные языки. Въ концѣ 1862 г. Ильминскій издаетъ на разговорномъ языкѣ букварь для крещеныхъ татаръ, въ Мартовской книжкѣ журнала „Прав. Обозрѣніе“ за 1863 г. печатаетъ первую свою статью объ употребленіи роднаго инородческаго языка въ цѣляхъ просвѣщенія инородцевъ и пишетъ Оберъ-Прокурору Св. Синода князю Урусову, что вынужденъ-де спуститься „съ высоты отвлеченныхъ теорій въ жизнь дѣйствительную“, начать все дѣло снова, и студентамъ Академіи, готовящимся въ дѣятели по просвѣщенію инородцевъ, онъ преподаетъ „преимущественно народный татарскій, а не книжный языкъ“ (Ц. кр. т.-шк. стр. 32, 33).

Система, эта подробно и особо изложена здѣсь словами самого Н. И. Ильминскаго, съ присовокупленіемъ авторитетныхъ толкованій поборниковъ ея б. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и б. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестакова.

*) Подробное описаніе чего см. въ сочиненіи проф. П. В. Знаменскаго „На память о Н. И. Ильминскомъ“. Казань. 1892 г.

Она обосновывалась не только на личном опытѣ ея проповѣдника, но и на всѣхъ данныхъ исторіи просвѣщенія разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и русскаго, на данныхъ науки педагогики и психологіи того времени (находящей подтвержденіе и въ нынѣшней — экспериментальной, — см. напр. Первую книжку Педагог. Психологін. СПб. 1905, стр. 33, 34, 40 проф. А. Нечаева и др.), согласна съ Словомъ Божиимъ и съ требованіями здоровой логики. Она возбудила величайшее вниманіе съ перваго же разу, какъ среди инородческихъ массъ, такъ и со стороны русскаго народа, со стороны различныхъ учреждений и, наконецъ, со стороны Царствующаго Дома и Главы Россіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, быстро привилась и получила свое узаконеніе въ правилахъ объ образованіи инородцевъ 1870, 1906, 1907 г.г. (см. ниже стр. 20), 14 іюня 1913 г. (см. ниже стр. 133), а по духовному Вѣдомству въ циркулярѣ Училищнаго Совѣта отъ 29 мая 1899 г. за № 2965, утвержденномъ опредѣленіемъ Св. Синода. Система ставила орудіемъ образованія инородцевъ самый обычный простой ихъ инородческій языкъ и призывала всѣхъ владѣющихъ такимъ орудіемъ, и русскихъ и инородцевъ — въ особенности, къ исполненію этого чрезвычайно важнаго, необходимаго и неотложнаго святаго дѣла. Въ очень скоромъ времени — черезъ какія нибудь 5 — 10 лѣтъ — Ильминскій уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую армію скромныхъ, но подходящихъ къ дѣлу просвѣщенія дѣятелей. Система оказалась дѣйствительно практичною, дѣло быстро ширилось и укрѣплялось, возбуждая самую отрадную надежду и въ будущемъ.

В. Направленіе просвѣщенія инородцевъ съ *употребленіемъ русскаго языка*, для краткости называемое обыкновенно *обрусительнымъ*, стремится разрѣшить нашу миссіонерскую просвѣтительную задачу съ двумя неизвѣстными (ср. выше стр. IX) безъ допущенія извѣстнаго инородцамъ ихъ инородческаго языка, съ помощію котораго дѣйствуютъ предыдущія два направленія (А и Б).

Русскій языкъ является для русскихъ людей, конечно, самымъ естественнымъ и самымъ давнимъ лучшимъ способомъ для просвѣщенія ихъ русскихъ дѣтей. Онъ же былъ примѣненъ, за долго еще до появленія системы Ильминскаго, и къ обученію инородцевъ, непонимающихъ русскаго языка, о чемъ упоминаетъ и Ильминскій (см. 1, 35, 36 стр.). Съ появленіемъ системы Ильминскаго этотъ *способъ обученія инородческихъ дѣтей съ помощію русскаго языка* только наиболѣе рельефно выдѣлился, какъ особая система просвѣщенія. Главное примѣненіе свое, развитіе и результаты, обрусительная система получила на Кавказѣ, гдѣ она введена еще за 10 лѣтъ до появленія системы Ильминскаго распоряженіемъ Попе-

чителя Кавказскаго Учебнаго Округа Барона Николай въ 1851 г. Въ 1867 г. было издано тамъ положеніе о начальныхъ училищахъ съ обязательнымъ преподаваніемъ въ нихъ предметовъ на русскомъ языкѣ и т. дал. Правила 26 Марта 1870 г. о мѣрахъ къ образованію инородцевъ (см. стр. 20) не были примѣнены на Кавказѣ. Однакоже, и въ Поволжьи, и въ Азіи, и въ Сибири обрусительная система имѣла и имѣеть не мало своихъ сильныхъ представителей, преданныхъ исполнителей и поклонниковъ. Въ основу дѣла система ставитъ главнымъ образомъ русскій языкъ и неуклонно требуетъ отъ инородцевъ знанія русскаго языка. При этомъ, въ чистомъ своемъ видѣ, это направленіе и во орудіе изученія инородцами русскаго языка ставитъ тоже русскій языкъ; употребленіе инородческаго языка, при преподаваніи русскаго языка—и даже Закона Божія—инородцамъ, вовсе не допускается или же допускается въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ нежелательная въ общемъ уступка. Считается вполне достаточнымъ для основательнаго изученія инородцами русскаго языка пользованіе приемами нагляднаго преподаванія, разработанными преподавателями иностранныхъ языковъ по новому, такъ называемому, натуральному или прямому методу. Дѣятели по этой системѣ среди инородцевъ—священники, учителя—предпочтительно должны быть русскіе же люди,—и лучше всего вовсе незнающіе инородческаго языка. Открытіе особыхъ инородческихъ школъ съ допущеніемъ какихъ либо отступленій отъ общихъ программъ, установленныхъ для русскихъ училищъ, признается излишнимъ, не достигающимъ цѣли, а скорѣе вредящимъ ей.

Силу для своихъ положеній эта система почерпаетъ въ тѣхъ соображеніяхъ, что для инородцевъ русскій языкъ необходимъ во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ. Имъ необходимо знать его, и чѣмъ скорѣе узнають, тѣмъ лучше и имъ самимъ, и государству. Русскій языкъ общеупотребительный, государственный языкъ земли, въ которой они живутъ и благами коей они вполне пользуются. Государственное значеніе русскаго языка въ особенности подчеркивается представителями этого направленія, съ указаніемъ, напримѣръ, какъ относятся къ своему государственному языку нѣмцы, англичане и проч. Вообще же система видитъ въ знаніи русскаго языка инородцами залогъ и обезпеченіе всего ихъ настоящаго и будущаго. Зная этотъ языкъ, являющійся лучшимъ и точнымъ выраженіемъ духа русскаго народа, инородцы тѣмъ самымъ скорѣе объединятся, сольются съ русскими, заодною общею гражданскою, общественною и даже церковною жизнію, станутъ дѣйствительно ак-

тивными дѣтьми земли родной. Безъ знанія же русскаго языка инородцы ни въ чемъ не могутъ принять участія. Даже тѣ, которые преданы Россіи, любятъ ее—скажемъ сильно, но тѣмъ это печальнѣе, потому что русскіе люди, Россія, лишена возможности это понять и оцѣнить, если инородцы не говорятъ о томъ на понятномъ Россіи языкѣ. Точно также и инородцы, не зная русскаго языка, не могутъ понять русскихъ и, не зная Россіи, могутъ имѣть ложныя о ней представленія и оставаться чуждыми ей дѣтьми. Только изучивши основательно русскій языкъ инородцы могутъ войти въ самую глубину души русской, понять ее, полюбить, стать близкими и родными и т. дал.,—то же самое почти, что говоритъ Ильминскій (стр. 37), убѣждая русскихъ понять инородцевъ.

Разница между системами Ильминскаго и обрусительной. Ильминскій не отрицаетъ обрусенія, равно какъ и обрусительная система не отрицаетъ православія; но то, что составляетъ конецъ системы Ильминскаго, обрусительная беретъ это за начало и то, что составляетъ главный отличительный признакъ первой—употребленіе инородческихъ разговорныхъ живыхъ языковъ, то вторая система совершенно отрицаетъ или допускаетъ только какъ снисхожденіе, какъ уступку немощи человѣческой.

Ильминскій понимаетъ обрусеніе не просто какъ знаніе русскаго языка, а прежде всего какъ православіе. Ему дорого хорошее русское слово,—но безъ духа православія, безъ православной идеи оно ему не нравится, —тогда для него дороже, какое ни на есть, простое русское слово, только было бы оно съ мыслию о Богѣ отъ чистаго сердца. Онъ не могъ видѣть Русь безъ православія. Не только отрицаніе православія, но и нѣсколько неуважительное, неблагоговѣйное отношеніе къ нему, замѣчавшееся имъ хотя бы то и въ блестящемъ, всѣхъ поражавшемъ, высокохудожественномъ русскомъ словѣ, уже дѣлало для него это слово неудобнымъ,—даже негоднымъ. Ильминскій хотѣлъ видѣть и въ русскомъ языкѣ Русь, но непременно и нераздѣльно святую, православную Русь. И такой-то только русскій языкъ, одухотворенный святыми православными идеями, онъ желалъ именно передать инородцамъ, полагая въ этомъ всю силу дѣла. Ильминскій смотрѣлъ на языкъ какъ бы, такъ сказать, на сосудъ, который получаетъ свою цѣнность не отъ того чей онъ или изъ чего онъ сдѣланъ, а отъ того, что въ немъ находится и который, смотря по тому, берутъ или съ благоговѣніемъ или отворачиваясь отъ него. А для этого онъ и полагалъ необходимымъ сообщить инородцамъ не внѣшнюю форму русскаго языка, а то, что въ немъ находится, собственно чистаго, святаго, возрождающаго, укрѣп-